

1

Самая яркая вспышка, взрывная волна, сметающая все на своем пути, — секс, да-да, он самый, и хватит уже делать из этого тайну. Клер Фарель поняла это, когда ей было девять лет и у нее на глазах их семья развалилась из-за того, что мать испытывала неудержимое влечение к профессору медицины, случайно встреченному ею на каком-то конгрессе; Клер поняла это, за годы работы неоднократно наблюдая, как известные люди в один миг теряют то, что создавали всю жизнь: высокое положение, репутацию, семью — социальные конструкты, надежность которых обеспечивалась долготным упорным трудом, уступками-недомолвками-посулами — тремя столпами прочного брака; она видела блестящих представителей политической элиты, скомпрометированных надолго, а то и навсегда из-за короткого приключения, мимолетной прихоти, властного зова плоти: “Сейчас же, немедленно!”; она и сама могла бы оказаться в центре одного из самых громких скандалов в истории Соеди-

ненных Штатов: ей тогда было двадцать три года, и она проходила стажировку в Белом доме одновременно с Моникой Левински — той, что прославилась на весь мир, сломав карьеру президента Билла Клинтона, а Клер лишь потому не попала на место этой сладострастной брюнетки, которую президент называл “девчушкой”, что не соответствовала канонам красоты, принятым тогда в Овальном кабинете: худощавая блондинка среднего роста с длинными, гладко зачесанными назад волосами, вечно в брючных костюмах мужского покроя, была совершенно не в его вкусе.

Клер часто задавала себе вопрос, что было бы, если бы президент выбрал ее, полуфранцуженку, полуамериканку, с головой на плечах, впечатлительную, предпочитавшую познавать жизнь по книгам, а не одарил своим вниманием Моника, упитанную брюнетку с плотоядной улыбкой, юную еврейскую принцессу, выросшую в богатых районах Брентвуда и Беверли-Хиллз. Наверное, она поддалась бы неодолимому очарованию власти, влюбилась бы, как наивная девочка, и тогда спецпрокурор Кеннет Старр устраивал бы подробный допрос именно ей, Клер, загнанной в угол и вынужденной повторять слово в слово одну и ту же историю, послужившую пищей для кухонных сплетен во всех уголках мира и основой для доклада в четыреста семьдесят пять страниц, который поверг в трепет американскую правящую верхушку и ее приближенных и вызвал спонтанную нервную реакцию у ошеломленной публики, в порыве негодования призвавшей к войне за нравственность; и тогда

она вряд ли стала бы известной французской интеллектуалкой и не смогла бы спустя десять лет, встретившись с этим самым Биллом Клинтонем за ужином в честь выхода в свет его мемуаров, задать ему вопрос в лоб: “Мистер Клинтон, почему вы согласились пройти унизительную процедуру раскаяния и защищали жену и дочь, не проявив ни малейшего сочувствия к Монике Левински, чья личная жизнь была разрушена раз и навсегда?” Он небрежно махнул рукой, словно отменяя вопрос Клер, и с нарочитой непринужденностью поинтересовался: “А вы, собственно, кто?” Он ее не вспомнил, что было, в общем-то, нормально, ведь их пути пересекались почти двадцать лет назад, и хотя он конечно же сталкивался в коридорах Белого дома с этой привлекательной девушкой с рыжеватыми, как у венецианки, волосами, словно сошедшей с картин прерафаэлитов, он ни разу с ней не заговорил: *какой смысл президенту заговаривать с какой-то стажеркой, если он не собирается ее трахнуть?*

С тех пор как в 1995 году блестящие успехи в учебе и многочисленные рекомендации позволили им троим переступить порог Белого дома, прошел двадцать один год. Первая, Моника Левински, в возрасте двадцати пяти лет пронеслась словно метеорит по просторам мировой медиагалактики благодаря единственному величайшему свершению — оральному сексу, сопровождаемому эротической игрой с использованием сигары. Вторая, самая юная из трех, Хума Абедин, девушка с индо-пакистанскими корнями, родители которой основали Ин-

ститут проблем мусульманских меньшинств, была приписана к штату сотрудников Хилари Клинтон и менее чем за десять лет стала ее ближайшей помощницей. На свадьбе своей протеже с видным деятелем демократической партии Энтони Винером первая леди даже произнесла такие слова, свидетельствующие об искренней привязанности к девушке: “Если бы у меня была вторая дочь, это была бы Хума”. Хилари поддержала ее год спустя, когда молодой супруг по неосторожности выложил в твиттер свои фотографии в недвусмысленных позах — голый по пояс, в трусах, под которыми отчетливо вырисовывался напряженный член. Она не оставила Хуму и тогда, когда ветреный муженек снова оплошал — стал обмениваться эротическими эсэмэсками с несовершеннолетней, причем как раз в тот момент, когда он добивался выдвижения своей кандидатуры от демократов в мэрию Нью-Йорка! Когда его считали одним из самых перспективных молодых политиков! Даже став кандидатом в президенты от демократической партии, Хилари Клинтон не рассталась с Хумой Абедин, несмотря на предупреждения тех, кто намекал на ее политическую токсичность и требовал отослать куда подальше. Добро пожаловать в Клуб Обманутых, но Достойных Жен, великих жриц американского *poker face*¹: улыбайтесь, вас снимают.

Из этих трех стажеров Белого дома только одна избежала скандала. Клер Дэвис-Фарель, дочь Дэна Дэвиса, профессора права в Гарварде, и Мари Кулье,

1 Непроницаемого лица (англ.).

переводчицы с английского на французский. Семейная легенда гласила, что ее родители встретились около Сорбонны, несколько месяцев поддерживали отношения на расстоянии, поженились в Соединенных Штатах, в пригороде Вашингтона, и жили-поживали там спокойной, размеренной жизнью: Мари распростилась со своими мечтами о свободе и самостоятельности, растила дочь и стала той, в кого больше всего на свете боялась превратиться, — домохозяйкой, чья единственная забота — не пропустить прием противозачаточных таблеток; Мари воспринимала материнство как поражение в правах, она была не создана для него, материнский инстинкт в ней так и не проснулся, она чувствовала себя угнетенной, и если бы муж не раздобыл для нее несколько заказов на перевод, она в конце концов под села бы на антидепрессанты, по-прежнему изображала бы лучезарную улыбку и уверяла, что жизнь у нее “просто фантастическая”, что она “совершенно счастливая” жена и мать, пока в один прекрасный день ее не нашли бы повесившейся в подвале их особняка во Френдшип-Хайтс. Вместо этого она снова стала работать, все больше и больше, а спустя девять лет после рождения дочери внезапно влюбилась в английского врача, у которого была переводчицей во время конгресса в Париже. Она бросила мужа и дочь и чуть ли не в одночасье, в состоянии любовного умопомешательства, уехала жить в Лондон с этим едва знакомым мужчиной, но не прошло и восьми месяцев, в течение которых она видела дочь раза два, как он выставил ее за дверь, заявив, что она истеричка и жить с ней невыносимо, тут и сказке конец. Следующие тридцать лет она только и делала,

что оправдывалась за свое, как она говорила, заблуждение, заявляла, что стала жертвой “самовлюбленного извращенца”. Действительность же была более прозаичной и менее романтической: она испытала страстное сексуальное влечение, но это скоро закончилось.

Клер жила с отцом в США, в Кембридже, до тех пор, пока он не умер от скоротечной формы рака: ей было тогда тринадцать лет. Она переехала к матери во Францию, в маленькую горную деревушку неподалеку от Гренобля, где та поселилась. Мари сотрудничала с несколькими издательствами, была занята неполный день и, надеясь “наверстать потерянное время и исправить свою ошибку”, с пугающим рвением взялась за воспитание дочери. Она выучила с ней несколько иностранных языков, занималась литературой и философией, и, вероятно, если бы не она, Клер не стала бы известной эссеисткой, автором шести книг, третья из которых, “Власть женщин”, написанная ею в тридцать четыре года, была щедро обласкана критиками. После обучения в Высшей нормальной школе Клер получила работу на философском факультете Колумбийского университета в Нью-Йорке. Там она нашла старых друзей отца, и те помогли ей попасть на стажировку в Белый дом. Тогда, живя в Вашингтоне, на одном званом ужине у общих друзей она и встретила того, кому суждено было стать ее мужем, — знаменитого французского политического журналиста Жана Фареля. Звезда общенационального канала, он был на двадцать семь лет старше ее, только что развелся

и находился в зените славы. Помимо большой политической телепрограммы, которую он вел и продюсировал, он брал интервью на радио с 8:00 до 8:20, каждое утро собирая шесть миллионов слушателей. Несколько месяцев спустя Клер распростилась с карьерой в американской администрации, вернулась во Францию и вышла за него замуж. Такой амбициозной девушке, как она в те годы, Фарель с его безжалостным остроумием казался неотразимо обаятельным, а политики, его гости в студии, говорили о нем: “Когда у тебя берет интервью Фарель, ты чувствуешь себя птенцом, угодившим в когти к хищнику”. Он открыл ей доступ в такую социальную и интеллектуальную среду, куда она, молодая девушка, не имевшая влиятельных друзей, никогда не попала бы. Он был ее мужем, ее наставником, ее самой надежной опорой; это властное покровительство, отягощенное разницей в возрасте, долгое время держало ее в подчинении, но теперь, когда ей исполнилось сорок три года, она твердо решила выстроить жизнь по собственным правилам. Двадцать лет они ухитрялись поддерживать интеллектуальное согласие и дружеское уважение, свойственное пожилым парам, которым удается свести свои интересы к интересам замкнутого семейного круга, отгороженного прочной стеной от всевозможных потрясений, и уверяли всех, что их связывает самая преданная дружба — цивилизованный способ скрывать, что между ними нет сексуальных отношений. Они часами говорили о философии и политике друг с другом или во время ужинов, которые часто устраивали в своей просторной квартире на авеню Жоржа Манделя, но прочнее всего их связывал Александр,

их сын. После учебы в Политехнической школе он поступил в Стэнфордский университет в Калифорнии, куда уехал в сентябре, к началу занятий; в октябре 2015 года, когда его с ними уже не было, Клер неожиданно бросила мужа: “Я встретила одного человека...”

Клер, как и другие, подчинилась сексуальному влечению и его разрушительной силе, сексу и его дикому, властному, неукротимому зову: почти не раздумывая, в *неудержимом порыве* она смела все, что так терпеливо создавала — семью, душевное равновесие, устойчивость и стабильность, — ради своего ровесника, преподавателя французского языка в еврейской школе 93-го департамента, Адама Визмана, три года назад поселившегося с женой и двумя дочками, тринадцатилетней Ноа и восемнадцатилетней Милой, в Павийон-су-Буа, тихой коммуне этого самого департамента Сена-Сен-Дени. Он пригласил Клер на встречу с учениками его выпускного класса, и после беседы, состоявшейся в одной из аудиторий лицея, они отправились посидеть в маленьком кафе в центре городка. Их разговор ограничивался дружеским, несколько натянутым обменом любезностями, который, как им казалось, надежно скрывал их желание, а на самом деле выставлял его на показ; оба чинно сидели на своих местах, соблюдая приличия, хотя с первой же минуты, едва устроившись за столиком в безлюдном бистро, уже знали: они еще увидятся, займутся сексом и попадут в западню. Когда он вез ее домой на своем стареньком, светло-зеленом “фольксвагене-гольф” — вызванное

такси так и не приехало, — то сказал, что хотел бы встретиться с ней снова; так за несколько месяцев романа на расстоянии (им удавалось видеться всего один-два раза в месяц, и эмоции достигали такого накала на этих свиданиях, что с каждым следующим все больше укреплялась их безумная уверенность в том, что они “нашли друг друга”) сдержанная интеллектуалка, читавшая в Высшей нормальной школе лекции по философии на разные темы, к примеру “Онтологические основания политического индивидуализма” или “Обезличенные эмоции воображаемого”, превратилась в пылко влюбленную женщину, чьим главным занятием стало сочинять эротические послания, снова и снова погружаться в любовные мечтания и искать подсказки для ответа на единственно важный экзистенциальный вопрос: “Можно ли кардинально изменить свою жизнь после сорока лет?” Она уговаривала себя: “Занимайся делом, а про личную жизнь забудь. В двадцать лет страсть — это нормально, но не когда тебе перевалило за сорок! У тебя сыну двадцать один год, работа, где ты все время на виду, вполне приемлемая жизнь. *Насыщенная* жизнь. Ты замужем за человеком, который ни в чем не ограничивает твою свободу, с которым ты заключила негласное соглашение, как Жан-Поль Сартр с Симоной де Бовуар: “любовь необходимая и любовь случайная”, иначе говоря, их нерасторжимый союз не исключал сексуальных приключений, которые обогащают знания о мире, — но этой свободой ты, между прочим, до сих пор ни разу не воспользовалась, и не потому, что хранила верность мужу, нет, ты никогда не придерживалась суровых моральных прин-

ципов, а скорее из природной склонности к покою. Ты построила свою жизнь, руководствуясь безупречным чувством порядка и благоразумного компромисса. Тебе было труднее, чем мужчинам, добиваться своего места в жизни, но ты наконец его отвоевала и понимаешь, что ты это заслужила; ты раз и навсегда решила принимать себя такой, какая есть, и не примерять на себя роль жертвы. Твой муж часто отсутствует, а когда он с тобой, ты то и дело замечаешь, как вокруг него вертятся все более и более молодые женщины, но ты знаешь, что привязан он к тебе, только к тебе. Она, женщина, которая в каждом публичном выступлении заявляла о своей независимости, в частной жизни подчинялась общепринятым заповедям здравого смысла: “Довольствуйся тем, что имеешь. Не впадай в пагубную зависимость, не поддавайся сексуальному влечению, любовным грезам, всему тому, что в итоге замутняет разум и лишает сил. Что ведет тебя к гибели. Откажись от этого”. Она долго не решалась начать процедуру развода, подавленная чувством вины от того, что бросает мужчину на склоне лет, с которым ее прочно сковывали общие привычки и порожденное ими ощущение надежности, к тому же крепко опутанная незримыми нитями — страхом перед неизвестностью, собственными моральными принципами, изрядной долей конформизма. Они с мужем были одной из самых могущественных, уважаемых в медийном сообществе супружеских пар, но не составляло ни малейшего труда понять, каково соотношение сил в их союзе и кто в нем доминирует. В случае развода друзья и коллеги по цеху в конце концов станут на сторону Жана, человека более влиятель-

ного. Она останется в одиночестве, ее будут сторониться, ее книги будут рецензировать все реже и хвалить все меньше, Жан приложит к этому руку, хоть и не напрямую, ему не придется даже утруждать себя телефонным звонком — система сработает *сама собой*. Она-то знала, как заманчиво использовать медийную власть, как просто, наслушавшись лести, возомнить себя всемогущим, и как трудно — даже отнюдь не слабым людям — этому не поддаться. Точно так все и произошло. Да, однако пятью годами раньше Клер столкнулась с серьезной болезнью: у нее нашли рак груди. А когда она узнала, что излечилась, то решила жить в полную силу, какую дает лишь острое сознание конечности своего бытия. Испытание ее изменило — предсказуемо, ожидаемо, по-настоящему. Отказ от всего сразу? Не совсем так.

“Женщина в твоём возрасте и твоём положении (то есть женщина, *пережившая опасный недуг, а потому крайне уязвимая*) не должна подвергать себя опасности”, — по сути, именно это говорила ей мать и с мрачным упорством внушало общество, это подтверждала и классическая литература, возводившая в ранг героинь женщин, несчастных в браке, разрушивших свою жизнь или даже погибших, а то и покончивших с собой на почве любовной страсти, об этом недвусмысленно напоминал и социальный ландшафт, но такая женщина, как она, воспитанная на очень разных книгах, сделавшая независимость и свободу смыслом своего существования и своей работы, женщина, вступившая в схватку со смертью,

без труда убедила себя в том, что нет худшего несчастья, чем отказаться жить и любить, и вот однажды утром она собрала чемоданы и ушла, оставив на столе в гостиной открытку с горным пейзажем, наспех черкнув на обороте пару слов, банальность которых свидетельствовала о крайней срочности и необходимости отъезда, о желании подвести черту, как можно скорее все завершить, разом отсечь острым ножом, заколоть жертвенное животное, не усыпив его, резким точным ударом — как на бойне:

Все кончено.